

Василюк Ф.Е.

**К ПРОБЛЕМЕ ЕДИНСТВА
ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ**

Библиографическая ссылка:

Василюк, Ф.Е. К проблеме единства общей психологии [Текст] / Ф.Е. Василюк // Труды Ярославского методологического семинара (методология психологии), Ярославль, 15-17 апреля 2004 г. Т. 2: Предмет психологии / под ред. В.В. Новикова (гл. ред.), И.Н. Карицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. – Ярославль: МАПН. – 2004. – С. 12–31.

К ПРОБЛЕМЕ ЕДИНСТВА ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ¹

1. Всякое исследование начинается с удивления. Более полувека тому назад Л. С. Выготский пришел к выводу, что преодоление кризиса в психологической науке прямо связано с созданием особой дисциплины – «общей психологии» – теории «психологического материализма» [5; 32; 33]. Создана ли в советской психологии (а лишь она будет интересовать нас в этом докладе) такая общая теория? Стоит задуматься над этим вопросом, чтобы с удовлетворением ответить на него утвердительно, но тут же с недоумением признать, что... существует не одна, а, по меньшей мере, три общие психологии – теория отношений (В. Н. Мясищева), теория установки (Д. Н. Узнадзе) и теория деятельности (А. Н. Леонтьева)³. Ситуация была бы понятна и естественна, если бы эти теории выросли на разных философско-методологических почвах, в разных социально-исторических условиях или если бы речь шла о раздельных областях действительности, над каждой из которых теоретически властвует отдельная концепция. Но и философские основания, и социально-исторические условия у них одни и те же, и «территория», объявляемая «юрисдикцией» всех этих концепций, – это одна и та же «территория».

К этому неожиданному обилию общих психологии нужно как-то отнестись. Речь ведь идет не о несущественных мелочах, и даже не просто об одной из многих входящих в психологию частных дисциплин, а о главном – дисциплине, которая определяет предмет всей психологической науки, формирует категориальный аппарат, связывает между собой все частные факты и закономерности, открываемые в отдельных специальных исследованиях, словом, – речь о «голове» всей психологической науки. Можно, конечно, радоваться научному многообразию: «пусть

¹ Материалы настоящего доклада были ранее опубликованы в «Вопросах философии» (1986, № 10), затем в издании: Ф. Е. Василюк. Методологический анализ в психологии. М., 2003.

² Советская психология – то есть психология, развивавшаяся в СССР.

³ Почему названные теории приписаны именно этим авторам? Не они ведь были первооткрывателями психологических проблем отношения, установки и деятельности (достаточно вспомнить имена Л. Ф. Лазурского, Л. Ланге, М. Я. Басова, С. Л. Рубинштейна). Да и что касается вклада в разработку этих проблем, то, например, заслуги С. Л. Рубинштейна в создании психологической теории деятельности не меньше, чем заслуги А. Н. Леонтьева. Дело в данном случае в другом, не в приоритете первооткрывателя и не в значимости теоретического вклада, а в возведении избранной психологической категории в особый методологический ранг: в отличие от С. Л. Рубинштейна А. Н. Леонтьев использовал категорию деятельности как ядро, центр всей психологической науки, а психологическую теорию деятельности превратил в общую психологию. Точно так же В. Н. Мясищев превратил в общую психологию теорию отношений, а Д. Н. Узнадзе – теорию установки.

расцветают все цветы», но можно взглянуть на ситуацию и иначе. Отсутствие общей психологии рассматривалось Л. С. Выготским как симптом недоразвитости нашей науки или даже как своего рода уродство методологического тела психологии. Организм, лишенный важнейшего органа, разумеется, не нормален, но и существо о трех головах нормальным не назовешь. Не утрачивает ли смысл само понятие общей психологии, более того – само понятие научной истины, если соглашаться с тем, что в Ленинграде может быть одна общая психология и, значит, как бы одна истина, в Москве – другая, а в Тбилиси – третья? Если исходить из того, что психологическая наука должна иметь только одну общую психологию, то наличная теоретическая множественность превращается в настоящую проблему.

Актуальность развернутой постановки этой проблемы определяется той глобальной исторической задачей, стоявшей перед всей «новейшей» эпохой развития советской психологии, которая, по формулировке А. В. Петровского, заключается в формировании системы научных психологических знаний на основе марксистской философии [21, с.331-341]. Но какая же может быть система без единой общей психологии? Ведь одного единства на уровне философско-методологических принципов, единства уже в основном достигнутого [21; 24; 25; 27 и др.] явно недостаточно. Это философско-методологическое единство должно быть еще реализовано в конкретно-научных построениях, на предметно-теоретическом уровне¹. Предложить один из возможных подходов к этой реализации – главная цель настоящего доклада.

Итак, имеются: с одной стороны, три общие психологии, три центральные категории (отношение, установка, деятельность)², с другой – необходимость достижения теоретического единства. Конечно, рассуждая формально, можно приступить к решению задачи, так сказать, с дизъюнкцией в руках: верна одна и только одна теория. Но вряд ли кто-либо возьмется оспаривать, что в каждой из этих теорий содержится неосомненная психологическая правда. Значит, задача достижения единства должна решаться путем синтеза этих концепций и их центральных категорий. Однако само признание необходимости синтеза не предпрещает того, будет ли одна из них взята за основу синтеза, а остальные вклю-

¹ Стоит сразу же оговориться, что стремление к теоретическому единству, вытекающее из самой природы научного знания, отнюдь не совпадает со стремлением к объединению научных школ. Такое объединение не имеет смысла, да и неосуществимо, ибо школа – своего рода социальный «организм», целостность которого конституируется не одной только идейной общностью, но и целым рядом социальных, организационных, социально-психологических, биографических и прочих факторов.

² Именно эти категории выбраны для анализа не потому, что все другие (скажем, категории отражения, сознания и пр.) можно считать менее важными, а в силу эмпирического исторического факта, что каждая из них послужила центром отдельной общепсихологической теории и дала ей свое имя.

чаться в нее как подчиненные, или все они будут использоваться на равных правах. Попытки пойти по первому пути¹ кажутся нам недостаточно эффективными. Поэтому основной тезис, который мы собираемся отстаивать, состоит в том, что теории и категории установки, отношения и деятельности являются равноправными, неотъемлемыми и незаменимыми «органами» потенциально целостной диалектико-материалистической общепсихологической теории.

2. Сначала необходимо обосновать, почему именно и только теории установки, отношений и деятельности выбраны как синтезируемые объекты. Для этого в первую очередь нужно доказать, что каждая из них действительно является общей психологией. Воспользуемся представлениями Л. С. Выготского [5] об общей психологии. Схематично их можно изложить следующим образом. Общая психология есть развивающееся научное образование, отвечающее объективной тенденции к единству научного знания. Тенденция к единству реализуется в двух взаимосвязанных тенденциях – к обобщению и к объяснению. Ядром общей психологии является центральная идея, которая включает в себя центральное (фундаментальное) понятие и главный объяснительный принцип. (Терминологически они могут выражаться одной категорией.) Можно выделить две основные фазы развития общей науки: в первой преобладает тенденция к обобщению, во второй – к объяснению. На первой фазе развития общая дисциплина (точнее, пока лишь претендент на роль общей дисциплины) выделяет из всех предметов исследования психологии один как центральный, имеющий наибольшую познавательную ценность. Далее все остальные предметы последовательно подводятся под понятие центрального, так что к концу первой фазы оно приобретает еще и статус общего понятия, фиксируя то общее, что есть во всех предметах данной сферы действительности. На протяжении всей первой фазы сохраняется непосредственный познавательный интерес к центральному предмету. Во второй фазе развития общей науки центральный предмет постепенно заполняет

¹ Такие ассимилятивные попытки (сам факт которых лишний раз свидетельствует о тенденции к единству) предпринимались теорией деятельности и теорией установки друг по отношению к другу [2; 30]. Основной прием состоит здесь в том, что центральная идея конкурирующей теории рассекается на две части – абстрактную и конкретную, затем первая из них отбрасывается, поскольку в ней отказываются видеть реальное психологическое содержание, и ассимилируется лишь вторая. За своей же центральной категорией, выступающей как главный объяснительный принцип, признается право выражать абстрактную и конкретную части идеи в их единстве. Так, из одной теории «выплескивается» идея первичной установки и оставляется лишь феномен фиксированной установки [2], а из другой устраняется категория деятельности как объяснительный принцип психологии и берется лишь понятие «актуальной деятельности» [30, с.24]. Словом, из концепции при такой процедуре извлекается ее, так сказать, методологическая «душа». И хотя для критикующей теории такая ассимиляция полезна, но в силу того, что она не осваивает полную суть критикуемой концепции, теоретическая победа оказывается иллюзорной, по крайней мере, с точки зрения обсуждаемой проблемы синтеза.

собой всю онтологию и начинает пониматься как сущность по отношению другим предметам, рассматриваемым теперь как явления этой сущности. Соответственно этому в гносеологическом плане центральное, обобщающее понятие превращается в объяснительную категорию, или объяснительный принцип. При этом значительно утрачивается непосредственный познавательный интерес к нему и возбуждается интерес к другим, связанным с ним предметам и проблемам, которые начинают исследоваться и объясняться, исходя из этой категории. В результате происходит перестройка всей прежней структуры науки вокруг нового категориального центра.

Соответствуют ли такому понятию общей психологии теории отношений, деятельности и установки? Для теорий деятельности и установки, которые сами объявляют себя «общепсихологическими» и которые не раз подвергались критике именно за попытку централизации психологического знания вокруг одной категории [20; 31], это соответствие настолько очевидно, что в пределах данного доклада мы считаем возможным опустить его подробное доказательство. Наибольшие сомнения в этой связи может вызывать теория отношений, развивающаяся меньше в общетеоретическом плане, а больше в плане конкретных исследований. Поэтому ограничимся демонстрацией соответствия понятию общей психологии лишь этой теории.

Ее претензии на роль общей психологии видны даже до специального методологического анализа, они проявляются уже чисто стилистически: в трудах В. Н. Мясищева психология отношений прямо со- и противопоставляется с такими глобальными величинами, как «традиционная психология», «интроспективная психология», «функциональная психология», «структурная психология» и т.д. [18, с.82, 84, 209, 219]. На первых этапах развития теории понятие отношения связывается со всеми другими важнейшими психологическими понятиями, тем утверждаясь как центральное понятие (ибо только центр в отличие от периферии непосредственно связан со всем). Далее оно начинает выступать как общее родовое понятие, под которое подводится все – ощущение, потребность, стремление, любовь, боязнь, интерес и т.д. [там же, с. 110, 213]. Такое обобщение приводит к гносеологическому требованию рассматривать все психическое сквозь призму понятия отношения. «Все виды психической деятельности, – пишет В. Н. Мясищев, – в самом широком понимании можно рассматривать как известную форму отношения» [там же, с. 146].

По мере развития концепции категория отношения, последовательно «поглощая» все другие понятия, заполняет собой всю онтологическую картину, превращаясь из центрального, но все же частного предмета психологических исследований в предмет психологии как науки: «Психологию... можно определить как науку о человеке в его отношениях к действительности» [там же]. Вследствие такого превращения отношение в онтологическом плане начинает

выступать как единая сущность, обнаруживающая себя не непосредственно, а через все другие психологические явления. «Есть ли надобность говорить об отношениях, – спрашивает В. Н. Мясищев, – когда реально существуют лишь действия?» Да, утверждает он, поскольку «то, что называется способностями, психическими функциями, процессами, представляет собой объективно различные способы реализации отношения человека к действительности» [там же, с. 153]. Соответственно изменяется и гносеологический статус понятия отношения. Оно превращается в объяснительный принцип психологического познания, становится «принципом объективного исследования человека» [там же, с. 112]. И, наконец, в методологической плоскости понятие отношения (правда, не одно, а вместе с понятием сознательной личности, которое, впрочем, само определяется через понятие отношения) объявляется основой, на которой должна строиться вся система науки, «общим принципом психологии» [там же, с. 18, 146].

Итак, мы видим, что психология отношений стремится к централизации всего психологического знания вокруг категории отношения, через которую определяется предмет всей психологии и объяснительный принцип психологического метода. Это свидетельствует, что психология отношений осуществляет себя как общая психология.

Доказать, что теории отношений, установки и деятельности есть общие психологии и значит могут участвовать в синтезе – это полдела. Необходимо еще объяснить, почему для синтеза выбраны только эти три концепции? Строго говоря, нужно было бы, отвечая на этот вопрос, проанализировать теоретические представления П. П. Блонского, М. Я. Басова, Б. Г. Ананьева и др., но рамки доклада позволяют коснуться лишь концепции такого выдающегося теоретика, как С. Л. Рубинштейн, имя которого прямо ассоциируется с задачей построения общей психологии. Почему же и эта концепция не включается нами в синтез как равноправный элемент? Может быть ее автору не удалось решить поставленную задачу? Нет, С. Л. Рубинштейн создал общую психологию, но эта общая психология совсем иного рода, чем анализируемые три теории. Лежащее на поверхности (хотя в то же время весьма существенное) отличие общей психологии, созданной С. Л. Рубинштейном, состоит в том, что она не сузила предмет психологии до одной категории. Эта психология по изначальному замыслу, стилю мышления автора и способу построения была синтетической. Теория С. Л. Рубинштейна, если брать ее в целом, а не в частностях, не может быть поставлена в ряд с теориями А. Н. Леонтьева, В. Н. Мясищева и Д. Н. Узнадзе, но не потому, конечно, что она «слабее» или «сильнее» их, а потому, что она решала совсем другую задачу, работала в другой плоскости. Забегая вперед, скажем, что исторический вклад С. Л. Рубинштейна в систему советской психологии состоит в создании на основе марксистской философии общей онтологии психо-

логической науки, «онтологии человеческого бытия»¹ которая лишь неявно подразумевалась в концепциях установки, отношений и деятельности, а явно была разработана именно в теории С. Л. Рубинштейна.

3. Синтез теорий может быть плодотворен только в том случае, если всем им присуще глубинное родство, общность базовых методологических и онтологических представлений и в то же время у каждой из них есть своя категориальная специфика, отражающая различные аспекты реальности. Без этих условий синтезу грозит опасность искусственности, надуманности и опасность пустого терминологического дублирования. Чтобы определить, соответствуют ли теории отношений, установки и деятельности этому методологическому требованию, нужно сопоставить их друг с другом. Однако лучшим способом такого методологического сопоставления будет не попарное сравнение теорий, а «измерение» их с помощью одной общей меры. Такую меру не приходится искусственно изобретать, она существует. Чтобы обнаружить ее достаточно вспомнить, что каждая из разбираемых теорий создавалась и оформлялась в постоянном противопоставлении классической буржуазной психологии². Эту последнюю, следовательно, можно признать такой общей мерой, общей точкой отсчета и подойти к сопоставлению теорий (и категорий) отношения, установки и деятельности через анализ общего и различий в их критике и преодолении классической буржуазной психологии.

Теория отношений В. Н. Мясищева. Начнем с концепции В. Н. Мясищева. Исходный пункт противопоставления теории отношений классической психологии состоит в принципиально различном понимании общих задач психологии как науки. Академизму классики В. Н. Мясищев противопоставил практическую направленность новой психологии: научно-психологический интерес к человеку должен определяться практическими задачами «воспитательно-образовательной работы» с личностью, ее лечения и т.д. [18]. Вполне понятно, что такой

¹ В данном случае педалирование идеологической безупречности «онтологии человеческого бытия» было вызвано пониманием, что эти построения С. Л. Рубинштейна по своему экзистенциально-гуманистическому духу как раз противоречат антиперсонологическим установкам марксизма и потому уязвимы и нуждаются в защите. Такая мимикрия под марксизм преследовала не только охранительные цели, но и решала еще задачу отвоевывания внутри номинального марксизма «свободной философской зоны» по аналогии с тем, как в тоталитарном государстве могут существовать свободные экономические зоны (конечно, примерно с той же степенью свободы).

² Это словосочетание – «классическая буржуазная психология» – не используется Леонтьевым, Узнадзе и Мясищевым. Они противопоставлялись *«старой»* психологии, а чаще – *«буржуазной»*. Понятно, что последняя квалификация, во-первых, не точна (ничего специфически *буржуазного* в психологии XIX века не было), а во-вторых, носит чисто идеологический классовый характер. Поэтому введение обобщенного наименования *«классическая буржуазная психология»* придает более приличный, научный характер исторической полемике анализируемых теорий со старой психологией и, главное, является аллюзией на блестящую статью М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьева, В. С. Швырева «Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии» [15], где вводилось понятие «классической буржуазной философии».

подход сразу же потребовал радикального преобразования общей онтологической картины психологической науки. Традиционная психология изучала, по словам В. Н. Мясищева, «субъекта в себе» [там же, с.82]. Образ же человека, лежащий в основе психологии отношений, – это не рефлектирующий одиночка, а человек трудящийся, человек, живущий среди других людей. В рамках общей картины действительности наука должна выделить свой предмет, т.е. ответить на вопрос «о чем она?» В противоположность традиционной психологии, которая объявляла своим предметом психику, В. Н. Мясищев определял свою теорию как «учение о конкретной личности» [там же, с.71].

Осуществить конкретное исследование всего предмета науки «целиком» невозможно, поэтому необходимо выделить в нем такую доступную непосредственному эмпирическому исследованию «часть», изучение которой вело бы к познанию всего предмета. Эта «часть» в плане метода предстает как «единица анализа», а в онтологическом плане – как центральный предмет исследований. Если общим предметом психологической науки перестает быть психика как самостоятельная сущность и им становится «конкретная личность», то центральным предметом психологических исследований и, соответственно, «единицей анализа» перестает быть «абстрактный психический процесс» [там же, с.34] и становится отношение личности. В концепции В. Н. Мясищева необходимо различать широкий и узкий смысл понятия отношения. На первых шагах теоретического конструирования для В. Н. Мясищева было важно подчеркнуть понимание отношения именно как «единицы» личности, т.е. подчеркнуть, что отношение – это в первую очередь чье-то отношение, хотя, разумеется, оно всегда остается отношением к чему-то. Это понятие отношения в широком смысле – как отношение личности к действительности вообще [там же, с. 110, 146]. На следующем логическом (а не хронологическом) этапе формирования понятия отношения оно специфицируется под влиянием знаменитого тезиса Маркса о том, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [17, с.3]. Хотя на уровне методологической рефлексии В. Н. Мясищев нередко соблазнялся предельно широким, неспецифическим для психологии понятием отношения, включая в него все – «от обмена веществ до идейного общения» [18, с.212], на уровне конкретно-научной проработки категории отношения ее доминантой становился смысл, заданный формулой Маркса. А именно: если задача состоит в психологическом изучении сущности человека, исследование должно поставить во главу угла не всякое его отношение к действительности, а особое, специфически человеческое «общественное отношение», т.е. отношение к другому человеку, к людям, к различным их группам и общностям. Эти отношения признаются теорией В. Н. Мясищева исходными и формирующими для всех других отношений: «общественные отношения формируют все иные его отношения с внешней действительностью» [там же, с.69]. А раз так, то и в познавательной плоскости

они должны быть признаны центральными: «...Изучение человека в его отношениях представляет изучение человека **прежде всего** (выделено нами – Ф. В.) в его связях с людьми, т.е. преодоление той "робинзонады", которую разоблачили основоположники марксизма» – так заканчивает В. Н. Мясищев одну из своих программных статей [там же, с.230].

Итак, академизму классической психологии В. Н. Мясищев противопоставил практическую направленность науки, исходному онтологическому представлению этой психологии о «субъекте в себе» – представление о реальной социальной жизни человека, предмету старой психологии (психике) и «единице анализа этого предмета» (абстрактному психическому процессу) – новый предмет и новую «единицу» (конкретную личность и ее отношение к действительности). Причем главным смыслом, доминантой категории отношения и центральным предметом исследований следует считать отношение человека к человеку.

Теория установки Д. Н. Узнадзе. Д. Н. Узнадзе обнаружил в основании всей классической психологии одну «роковую предпосылку» – «постулат непосредственности». Общетеоретические построения Д. Н. Узнадзе вдохновлялись пафосом противопоставления развиваемого им подхода – классической психологии, опиравшейся на этот постулат. Поэтому для лучшего понимания теории установки стоит взглянуть в методологический облик классической психологии. Это тем более важно, что автор другой психологической школы, которую нам предстоит анализировать далее, А. Н. Леонтьев, также строил свою теорию в контексте напряженного методологического оппонирования той же «традиционной» психологии.

Если попытаться развить идею Д. Н. Узнадзе о «постулате непосредственности» как едином корне традиционной психологии, можно выдвинуть историко-психологическую гипотезу о том, как собственно из этого корня вырастают все основные направления классического психологического мышления. Выделим в «постулате непосредственности» две части – формально-логическую и содержательно-теоретическую. Формально-логический аспект «постулата непосредственности» фиксирует тип детерминизма, преобладавший в классической парадигме, а именно – представление о простой и однозначной причинно-следственной связи как универсальной схеме психологического события. В содержательном своем аспекте постулат непосредственности можно истолковать как ту философию классической психологии, согласно которой мир «делится на два» – на физические и психические явления. Соединяя формальный и содержательный аспекты этого постулата, то есть полагая: а) что единицей психологического исследования выступает простое событие, состоящее из двух элементов «причины» и «следствия», и б) что «причинным» элементом психологического события могут считаться и психические, и физические явления, равно как и «следствием» в составе психологического события могут быть все те же (иного в онтологии просто нет) физические или психические явления, соединяя, повторяю, эти а) и б), получаем типологию вариантов «постулата непосредственности» (Табл. 1).

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ		СЛЕДСТВИЕ	
		Психическое	Физическое
ПРИЧИНА	Психическое	Тип 1.	Тип 3.
	Физическое	Тип 2.	Тип 4.

Таблица 1. Типология вариантов «постулата непосредственности»

Эта типология логически выводит из постулата непосредственности общую картину всей психологии XIX – начала XX века. Отдельные ее направления резко противостояли друг другу, являлись абсолютными антиподами (например, интроспекционизм и бихевиоризм), а между тем на уровне «философского генотипа» были кровными братьями. Каждый из этих вариантов постулата непосредственности послужил методологическим «архетипом» для одного из базовых направлений классической психологии. Перечислим их.

Тип 1. Причина – психическое, следствие – психическое. Первый тип репрезентирует основную проблематику интроспективной психологии, все ее системы, в основе которых лежит убеждение, что причины психических явлений следует «искать не где-нибудь за ними, а в них же самих, полагая, что психические явления обуславливаются психическими же причинами» [28, с. 159].

Тип 2. Причина – физическое, следствие – психическое. Второй тип задает основную схему классической психофизики.

Тип 3. Причина – психическое, следствие – физическое. В третьем типе фиксируются классические представления о психомоторике.

Тип 4. Причина – физическое, следствие – физическое. Четвертый тип выражает собой парадигму ортодоксального бихевиоризма и рефлексологии, этих психологий без психики.

Всякое психическое явление непосредственно и однозначно вызывается другим психическим явлением (1-й тип) или явлением физическим (3-й тип). Всякий двигательный акт непосредственно и однозначно определяется некоторым психическим явлением (например, желанием) (2-й тип) или физическим явлением (внутренним – возбуждением нервных клеток или внешним – стимулом) (4-й тип). Таковы четыре варианта «постулата непосредственности». Во всех этих случаях игнорируется роль субъекта – и в этом главный, с точки зрения Д. Н. Узнадзе, порок традиционной психологии [22, 1960]. Ее объяснения психики и поведения строились так, будто «...поведение осуществляется помимо существенного соучастия субъекта» [28, с.328], а психические процессы являются самодостаточными и самодействующими сущностями. Вследствие этого классическая психология оказалась неспособной адекватно поставить и решить проблемы психического отражения и целесообразной деятельности.

Д. Н. Узнадзе противопоставил старой психологии новые онтологические представления, в рамках которых эти проблемы могли быть поставлены и решены. В текстах основателя грузинской психологической

школы может быть выявлена последовательная система процедур введения понятия установки, каждая из которых направлена против того или иного варианта «постулата непосредственности». Не излагая здесь всю эту систему, коснемся лишь важнейшей из этих процедур, которая осуществляется с помощью понятий «потребность» и «ситуация». Необходимым и действительным условием возникновения установки, повторял Д. Н. Узнадзе, следует считать единство актуальной потребности субъекта и ситуации ее удовлетворения [там же, с. 157, 168]. Попытаемся реконструировать из этого положения онтологию, лежащую в основе теории установки. Субъектный полюс онтологии конкретизирован в данном случае понятием «потребность». Но потребность – это всегда потребность в чем-то, она определена не через самое себя, а через объект. Следовательно, в понятии потребности, хотя оно и является представителем субъектного полюса онтологии, уже имплицирована связь субъектного и объектного полюсов, вне которой это понятие бессмысленно. Точно так же обстоит дело и с понятием ситуации. Хотя ситуация удовлетворения потребности – это нечто объективное, существующее независимо от произвола и воображения субъекта, но собственно ситуацией она не может стать вне отношения к живому существу, к субъекту. Ситуация – это не само по себе чисто внешнее объективное обстояние, взятое в себе, безотносительно к жизненному состоянию субъекта, но и не это состояние, взятое само по себе вне отношения к объектам, ситуация – это единство обстояния и состояния. Стало быть, и понятию ситуации внутренне присуща связь субъектного и объектного полюсов.

Но если понятия потребности и ситуации сами лишены односторонности и каждое из них несет идею неразрывной связи субъекта и объекта, то ясно, что понятие установки, возникающей на основе единства потребности и ситуации, выражает эту связь не просто в усиленной степени, а является, по существу, таким понятием, которое указывает уже не на связь между субъектом и объектом, определенными будто бы до и вне этой связи, а на связь, объемлющую субъект и объект, которые только внутри нее и получают определение и выделяются как отдельные моменты. Отсюда следует, что онтологическая суть категории установки состоит не просто в обнаружении опосредующего звена между психическим и физическим мирами, а в создании представления о едином «жизненном мире», сущностно предшествующем своим моментам – субъекту, объекту и их взаимодействию. Таково наиболее абстрактное значение категории установки, конституирующее главную онтологическую идею психологической теории Узнадзе¹.

Как же определяет эта психология свой предмет? В противоположность традиционной психологии Д. Н. Узнадзе полагает, что к познанию психики можно подойти не прямо, а опосредованно – через изучение

¹ Не случайно «предшественниками» понятия установки при развитии взглядов Д. Н. Узнадзе были понятия «биосфера» и «жизнедеятельность».

человеческой деятельности. Это и есть предмет психологии как науки. «...Наша наука, – писал Д. Н. Узнадзе, — призвана поставить вопрос о психологическом анализе и изучении закономерностей человеческой деятельности» [Цит по: 22, с. 128]. В силу того, что главный порок классической психологии Д. Н. Узнадзе видел, как уже говорилось, в том, что она отвлекалась от самого действующего индивида, от целостного субъекта, основным объектом изучения в рамках общего предмета психологии он избирает субъекта деятельности.

Что же является «единицей» анализа субъекта деятельности и соответственно центральным предметом конкретных исследований? «Установка, понимаемая как модификация целостного субъекта» [28, 1966], отражающая в себе конкретное состояние «жизненного мира», возникшее в результате «встречи» потребности и ситуации. Всякий психический и поведенческий акт должен быть объяснен, согласно теории установки, по преимуществу из субъекта, как реализация определенного его состояния или «модуса» – установки, но само это состояние понимается не как внутри самого субъекта и только из него вызревшее субъективное состояние, а как объективное субъектное состояние, детерминированное единством потребности и предмета, ее удовлетворяющего [там же, с.322]. Таким образом, онтология, которую Д. Н. Узнадзе противопоставил онтологии классической психологии, может быть названа «онтологией жизненного мира» [см.: 4]. Предметом психологии становится человеческая деятельность, а основным объектом изучения в рамках этого предмета выступает субъект деятельности. Единица анализа субъекта деятельности и, соответственно, центральный предмет конкретных исследований – это определенная «модификация целостного субъекта», или установка.

Теория деятельности А. Н. Леонтьева. По мысли А. Н. Леонтьева, исходное онтологическое различие классической психологии есть различие явлений внутренних, психических, данных в непосредственном переживании, и явлений внешних, материальных [10, с.337]. Психология, начинающаяся с такого различия, «не может стать действительно содержательной и реальной наукой» [там же, с.338]. Марксистская, материалистическая¹ психология, считает А. Н. Леонтьев, должна исходить из совершенно другой онтологии – включающей «действительного индивида», материальный мир и процесс жизни индивида, практически связывающий его с миром. Формируя предмет психологической науки в пределах своей онтологии, классическая психология объявляла им либо саму психику, отождествляемую с сознанием и понимаемую как самостоятельную субстанцию, либо – «поведение», мыслившееся механистически (в бихевиоральных системах, считавших психику эпифеноменом). В противоположность этому представлению, психология, по определе-

¹ В такого рода контекстах хорошо видно, как слова «марксистская», «материалистическая» используются не столько как точные философские термины, сколько как идеологические замены слов «подлинная», «истинная», «реальная», «содержательная».

нию А. Н. Леонтьева, есть наука «о порождении, функционировании и строении психического отражения реальности, которое опосредствует жизнь индивидов» [11, с. 12]. Иначе говоря, психика входит в предмет психологии, но не исчерпывает его, ибо она предстает как неотъемлемый элемент некой системы (жизни), не существующий вне нее. Следовательно, изучать психику невозможно в отрыве от изучения процессов жизни, и психология должна включать их в свой предмет. Точка зрения психологии, – говорил А. Н. Леонтьев, – есть точка зрения жизни, и психология не смеет ее покидать. Но процессы жизни — это процессы деятельности. Значит, в соответствии с исходной онтологией в предмет психологии должна быть включена триада «субъект – деятельность – предмет», где субъект предстает как «единица» «действительного индивида», деятельность – как «единица» процесса жизни, а предмет – как «единица» мира. Каким образом деятельность – центральное звено этой триады – входит в предмет психологии? Она входит «не особой своей "частью" или "элементом", а своей особой функцией. Это функция полагания субъекта в предметной действительности и ее преобразования в форму субъективности» [там же, с.92].

На уровне формирования «единиц» анализа абстракция от этой реальности приводила в классической психологии к тому, что деятельность, которую она изучала (а «психология, — замечает А. Н. Леонтьев, – всегда, конечно, изучала деятельность...» [там же, с.89]), выступала либо в форме фетишизированных, самодействующих психических процессов, когда мышление мыслило, память запоминала и т.д., либо в форме «слепых» реакций, изнутри не просветленных отражением и извне не детерминированных предметами. Соответственно этому субъект предстал либо как «самосознание» – в интроспекционизме, либо как «реактивная машина» – в бихевиоризме и рефлексологии [там же, с.23]. И, наконец, предмет выступал в старой психологии либо как «стимул» [3], либо вообще изгонялся за пределы психологии, считаясь вещью «протяженной», материальной и потому не имеющей прямого отношения к изучению «непосредственного опыта». («Если я хочу познать ощущение сладости, зачем мне изучать сахар?» – восклицал психолог-интроспекционист.) Последняя из этих проблем, не нашедшая своего решения в классической психологии, – проблема предметности стала в концепции А. Н. Леонтьева решающей [3; 7] при выработке представлений об «отдельной» деятельности как психологической «единице» анализа и центральном предмете конкретных исследований. А. Н. Леонтьев совершил чудовищный с точки зрения классической психологии акт: он ввел в психологию реальную вещь, которая получила психологическое гражданство, представ как предмет деятельности субъекта, более того, обретая достоинство главной детерминанты «отдельной» деятельности, ее мотива.

Итак, противопоставляясь классической буржуазной психологии, концепция А. Н. Леонтьева в качестве исходной онтологии использовала схему «жизнь – индивида — в мире», своим предметом она объявила предметную деятельность субъекта, порождающую психическое отра-

жение и опосредствуемую им, в качестве «единицы» анализа и центрального предмета исследований она сформировала представление о структуре «отдельной» деятельности (деятельность – действие – операция; мотив – цель – условия).

4. Даже такого поневоле краткого и упрощенного анализа перехода от классической психологии к трем ведущим направлениям советской психологии достаточно, чтобы выбрать «масштаб» и структуру сопоставления теорий и категорий деятельности, установки и отношения. Эти теории делали одно общее дело перестройки психологии на марксистской¹ основе. Каждой из них руководило убеждение, что психология и психолог должны включиться в реальную жизнь общества, в практику производственную, воспитательную, медицинскую и т.д. Такое понимание задач заставило эти психологии повернуться лицом к жизни и рассматривать психику не как над и вне жизни существующую субстанцию, а как реальный момент самой жизни. Старая психология стремилась познать жизнь души, новая – одушевленную жизнь.

На уровне полагания исходной онтологии три разбираемые концепции при всех терминологических различиях, которые мы здесь не учитываем, едины в убеждении, что психология человека должна исходить из действительных предпосылок, «от которых можно отвлечься только в воображении. Это действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни» [16, т.3, с. 18]. Преодолевая классическую онтологию «изолированного индивида», все концепции противопоставили ей марксистское учение о деятельности и социальной сущности человека. Однако в рамках конкретно-научных разработок это преодоление в

¹ Марксизму как официальной идеологии присягали все три теории, это была непреложная идеологическая константа Проблема действительных отношений той или иной концепции с действительной философией Маркса в советское время не могла быть поставлена, ибо сам факт такой проблематизации, независимо от личной искренности вопрошающего, социально-идеологическим контекстом превратился бы в донос. Сейчас же выяснение отношений той или иной теории с марксизмом – историко-психологическая задача вполне правомочная, хотя, впрочем, и столь же не актуальная. Ограничиваясь первыми впечатлениями, можно отметить, что теория установки внутренне была совершенно независима от марксизма, теория деятельности, напротив, сознательно развивалась А. Н. Леонтьевым именно как конкретно-научная психологическая реализация марксовой философии. Что касается теории отношений, хотя она и «припала» к небольшому набору подходящих цитат из сочинений Маркса, трактующих проблему человеческих отношений, но сам В. Н. Мясищев, обладая, нужно думать, многими талантами, в том числе и глубокой теоретической интуицией, был, кажется, лишен дара точной категориальной проработки своей теоретико-философской позиции. И, тем не менее, у всех трех концепций была, в самом деле, глубинная философско-методологическая общность, которая роднила их между собой, и роднила с марксовой философией, но кроме нее и с множеством других направлений мысли и которая в самом деле отличала их от психологической классики XIX в. Это общее – представление о том, что человеческая психика определяется реальным процессом жизни человека – **приписывалось** марксизму как единственному легальному (и по советской логике – «единственно истинному») философскому источнику, независимо от того, как дело обстояло на самом деле. Образно говоря, научный товар у всех трех теорий был вполне качественным и по принципиальным характеристикам сходным, и у всех имелся сертификат «марксистского», независимо от того производился ли он на Малой Арнаутской улице в Одессе или был по происхождению настоящим «марксистским».

теории В. Н. Мясищева шло преимущественно по линии критики «робинзонады», т.е. изолированности индивида от мира людей, а в теориях А. Н. Леонтьева и Д. Н. Узнадзе – преимущественно по линии критики изолированности индивида от предметного мира¹.

Далее, на уровне формирования предмета психологической науки и В. Н. Мясищев, и Д. Н. Узнадзе, и А. Н. Леонтьев критиковали старую психологию за то, что она рассматривала психику в отрыве от системы «человек – жизнь – мир». Но и в этом пункте была различная акцентировка: В. Н. Мясищев и Д. Н. Узнадзе фокусировали свое внимание на том, что психика рассматривалась классической психологией в отрыве от своего «носителя» – личности, «целостного субъекта», от живущего человека, а А. Н. Леонтьев преимущественно направлял свои усилия на преодоление абстракции психики от человеческой жизни, которая ее порождает, и от мира, который она отражает. Теории отношений и установки пронизаны пафосом возвращения (введения) человека в психологию, теория деятельности – пафосом возвращения (введения) жизни в психологию. Поэтому основным объектом изучения в психологической системе В. Н. Мясищева стала личность, в психологической системе Д. Н. Узнадзе – субъект деятельности, а в психологической системе А. Н. Леонтьева – деятельность субъекта.

На уровне выбора «единиц» анализа эти различия основного объекта изучения выразились в том, что В. Н. Мясищев и Д. Н. Узнадзе выделили структурные «единицы» (отношение как единица структуры личности, установка как единица структуры целостного субъекта²), а А. Н. Леонтьев – «процессуальные» («отдельная» деятельность, действие, операция как единицы процесса деятельности). Другими словами, понятия установки и отношения фиксировали нечто потенциальное («динамическое»), что может реализовываться и процессах жизнедеятельности, а понятие деятельности – нечто актуальное, сам процесс такой реализации.

Эти сходства и различия между теориями и категориями деятельности, установки и отношения позволяют построить следующую категориальную типологию психологических единиц человеческой жизни (Табл. 2):

¹ Нужно настойчиво подчеркнуть, что речь идет только об акцентах развития теорий и соответственно о доминантах кристаллизирующихся в них категорий. Признание и научно-психологическое раскрытие социальной сущности человека, его психики и деятельности является существенным и неотторжимым свойством теорий деятельности и установки. Это утверждение не требует специального доказательства. Достаточно вспомнить, что, по А. Н. Леонтьеву, деятельность человека всегда включена в систему отношений общества [11, с.82], что предмет ее – всегда человеческий, общественный предмет [10, с.364-366], что, по формулировке Д. Н. Узнадзе, «человек живет и действует, т.е. существует, не только для себя, но и для другого; особенно следует остерегаться того, чтобы опять противопоставить "общество", как "абстракцию", "индивиду"» [28, с.275]. Равным образом В. Н. Мясищев, считая главным «изучение человека прежде всего в его связях с людьми» [18, с.230], конечно же, не абстрагировался и от его связей с предметной действительностью, не зря ведь в исследованиях 30-х годов основное внимание он уделял отношению человека к труду.

² В. Н. Мясищев писал, что установка и отношение не представляют собой «в конкретном плане процесса, хотя и могут изменяться» [19, с. 12].

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ		ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА	
		Человек (как динамическая структура)	Жизнь (как актуальный процесс)
МИР	Предметный мир	1. Установка	2. Деятельность
	Мир людей	3. Отношение	4.

Таблица 2. Типология психологических «единиц» человеческой жизни

Исходным предметом типологического анализа является «жизнь человека в мире». В нем выделяется два аспекта – «жизнь человека» и «мир». Каждый из них, в свою очередь, делится на два аспекта: «мир» – на «предметный мир» и «мир людей», а «жизнь человека» – на «человека», рассматриваемого как некая потенциально активная, т.е. «динамическая структура», и «жизнь», рассматриваемая как «актуальный процесс». Пересечение этих оппозиций дифференцирует исходное целое на четыре «состояния». Правило чтения типологии: например, деятельность (тип 2) – это психологическая единица анализа актуального процесса жизни человека, взятого в его отношении к предметному миру. Из предшествующего обсуждения ясно, почему 1-й, 2-й и 3-й типы обозначены соответственно как установка, деятельность и отношение. Однако остается еще одна свободная клетка этой категориальной типологии. По логике схемы она должна быть заполнена категорией, выражающей форму осуществления процесса жизни, который реализует отношение человека к другим людям. Вполне очевидно, что в качестве этой категории может выступать лишь одно – категория общения.

5. В процессе преодоления классической психологии, в советской науке были созданы три общепсихологические теории, центральными категориями которых являются категории установки, отношения и деятельности. Мы обнаружили, что эти теории едины в своем понимании онтологии, из которой должна исходить психологическая наука. В то же время при определении предмета науки, выборе основного объекта изучения и формировании «единицы» его анализа обсуждаемые концепции расходятся, что в итоге выражается в разнице их центральных категорий. Однако это расхождение мало напоминает ситуацию «лебедя, рака и щуки», а скорее ситуацию планомерного разделения труда, поскольку анализ обнаруживает, что данные категории связаны в стройную логическую систему, в которой они хотя и противопоставлены друг другу, но противопоставлены не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие. В этой категориальной системе есть еще один неотъемлемый элемент – категория общения. Следовательно, по логике истории в советской психологической науке должна быть создана и соответствующая теория. Такую задачу нужно было бы поставить, если бы

она не была уже поставлена в исследованиях А. А. Леонтьева [9, 1974], придавшего проблеме общения общепсихологический статус, и особенно – Б.Ф. Ломова [12], который пошел дальше, наделив категорию общения статусом «нового методологического принципа» [см.: 1, с.90]¹.

Думается, что указанную задачу можно было поставить и более остро как задачу построения особой общепсихологической теории общения, в которой общение выступило бы не просто как важная среди равных категорий и не просто как один из методологических принципов, а как центральная категория и главный объяснительный принцип². Подобную «острую» постановку проблемы следовало бы мотивировать не тем, что общение будто бы не может быть рассмотрено с точки зрения схемы предметной деятельности, разработанной А. Н. Леонтьевым, как полагает Б. Ф. Ломов [12; 13]³, а стремлением детально проработать саму категорию общения, чтобы проследить до конца все ее потенциальные возможности, стремлением, вытекающим из понимания огромного (хотя, естественно, не безграничного) значения этой категории для общей теории психологии.

Итак, мы убеждены в том, что создание общепсихологической теории (равноранговой теориям отношения, установки и деятельности), которая сделала бы общение центральной категорией и последовательно свела бы к ней все психологические реалии, принципиально возможно и даже желательно. Но одно дело принципиальная возможность и желательность и совсем другое – фактическая возможность. То реальное историко-научное обстоятельство, что эта теория, во-первых, начала развиваться в ситуации наличия уже вполне развитых общепсихологических концепций и, во-вторых, что она объективно является завершающей сложившуюся парадигму, противодействует ее оформлению в чистом виде. Это противодействие «самой истории» на поверхности научной жизни проявилось в интенсивной дискуссии о месте и значении категории общения в системе психологического знания [1; 6; 11; 12; 13; 14; 23 и др.]. Нам кажется, что за разногласиями взглядов и формулировок, прозвучавших в дискуссии, начинают вырисовываться контуры общей, единой для всех онтологической схемы, которая соответствует приведенной выше типологии психологических единиц жизни.

¹ Речь не о том, что эти авторы первые открыли проблему общения для психологии, а о превращении ее из частной в общепсихологическую (ср. со сноской 3 на с. 12).

² Такая концепция позволила бы (а) ассимилировать огромный пласт исторических и онтогенетических фактов, где вещь выступает в действии и отношении к ней человека как «другой» (которого можно любить и ненавидеть, поклоняться и презирать) [8; с.24] и (б) теоретически освоить в общепсихологическом контексте достаточно подробно проработанные вне этого контекста (в частности, в психоанализе и аналитической психологии, в транзакционном анализе и теории ролей, в философии и филологии) представления о личности как внутреннем общении, как «полифонии», а не «монолите» или механической структуре [25, с.334; 29].

³ Такое рассмотрение и возможно, и продуктивно, как показывает прекрасная (но почти незамеченная из-за малого тиража) работа Г. В. Гусева [6].

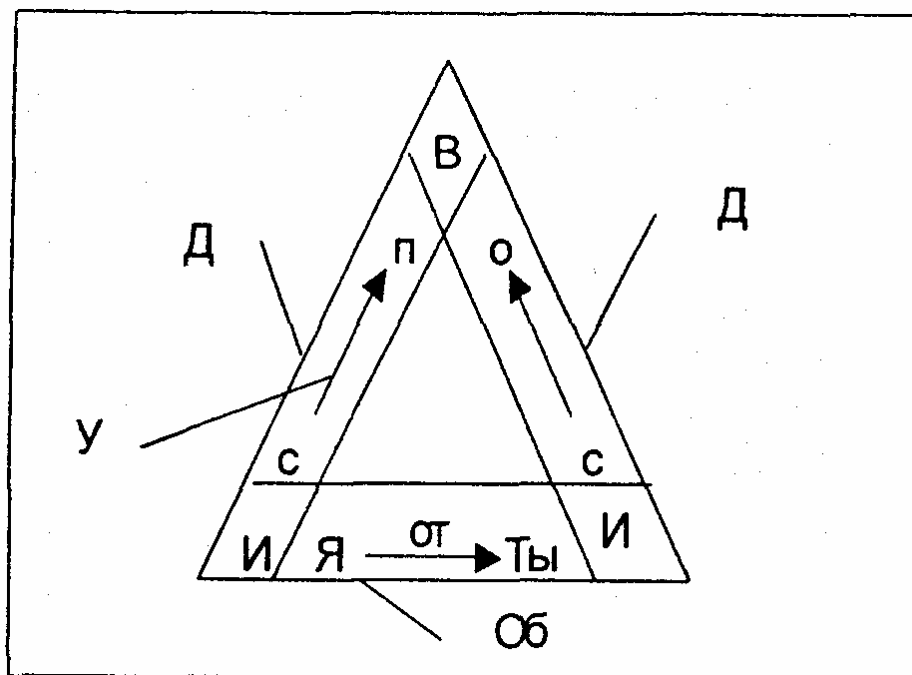

Рис. 1. Объединенная схема «психологических единиц»

На схеме одна из вершин треугольника символизирует индивида (И), вторая – вещь (В), третья – другого индивида (также И). Каждого индивида и вещь связывает деятельность (Д), в рамках которой индивид выступает как субъект (С), а вещь – как предмет (П) или объект (О). Вектор внутри тела деятельности, направленный от субъекта к предмету, символизирует установку (У). Двух индивидов связывает между собой общение (Об), в рамках которого они выступают друг по отношению к другу как Ты и Я. Вектор внутри общения, направленный от Я к Ты, означает отношение (От).

Эта схема изображает «интегральную единицу» жизненного мира человека в дифференцированном виде. Изначально в жизненном мире ребенка все ее элементы слиты в одно нерасчлененное единство. Младенец, кормящийся у груди матери, не отличает себя от акта сосания, от молока, от матери. Но и затем, в жизненном мире взрослого, хотя и происходит реальная дифференциация всех указанных моментов, сохраняется их генетическое и функциональное единство. Поэтому психолог, делая предметом своего исследования индивидуальную ли деятельность субъекта, совместную ли его деятельность с другим человеком (на схеме – связка С – П/В/О – С)¹ или любой другой фрагмент целостности, должен осознавать, какую именно он при этом производит абстракцию.

¹ Эта «связка» – одна из множества возможных частных модификаций исходной схемы (ср. с предложенной Б. Ф. Ломовым схемой «субъект – субъект», где средний элемент опущен, а также с выдвинутой Л. А. Радзиховским схемой «субъект – объект – субъект» [23], в которой средний элемент присутствует, но в нерасчлененном виде). Упомянутое множество возможных модификаций создается, во-первых, тем, что в каждом конкретном случае могут рассматриваться не все компоненты исходной схемы, а во-вторых, тем, что структурные места схемы не связаны жестко с наполняющим их содержанием. Скажем, структурное место «вещи» может занять деятельность другого человека или «мое» отношение к другому человеку и т.д. Анализ этого множества – задача особого исследования.

Возьмем для примера самый «непсихологический» пункт схемы – полюс вещи. Разумеется, вещь сама по себе не может интересовать психологию, поэтому-то классическая психология, отвлекаясь от всей системы связей, вводящих вещь в человеческое бытие, отказывалась включать ее в психологическую онтологию. Вещь, как она предстает перед психологическим взглядом на реальность, должна браться и как предмет, т.е. в своем отношении к деятельности субъекта, и как объект, т.е. нечто произведенное или хотя бы выделенное из мировой связи для субъекта другим человеком (людьми), словом, как объективация деятельности другого, и как точка схождения совместного действия, и даже как отношение человека к человеку [8]. «Предмет как бытие для человека, как предметное бытие человека есть в то же время наличное бытие человека для другого человека, его человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку» [16, т.2, с.47]. Эта философская формула имеет отношения к самой обыденной реальности. Скажем, плохо сшитый костюм – это не просто некий вещный продукт работы портного, это «наличное бытие» портного «для другого человека», в котором в предметной форме выражается его «человеческое (или нечеловеческое) отношение к другому». Таким образом, любой фрагмент «жизненного мира», становясь предметом психологического исследования, должен рассматриваться во всей сложной системе опосредствования, в результате которой он в действительности выделяется как некая отдельность из целостного «жизненного мира». Любое конкретное экспериментальное исследование должно задавать совокупность условий отвлечения своего предмета от этой целостности, только тогда оно может рассчитывать на сознательное и последовательное выявление реальных закономерностей.

Что касается теоретико-методологических исследований, то целый ряд категорий, представленных в схеме, уже достаточно хорошо проработан в отечественной психологии – это категории субъекта, индивидуальной предметной деятельности, отношения, установки. Теперь же на первый план должна выйти разработка категорий совместной деятельности [26], «совокупного действия» [8], и особенно категорий «другого» и «общения».

6. Подведем итоги. Было показано историческое и логическое единство категорий деятельности, общения, установки и отношения. Эти категории являются производными от единой онтологии «жизни человека в мире», содержащей в себе два аспекта – «жизнь человека» и «мир». Преимуществом заслуга разработки этих онтологических категорий, образующих фундамент единой общей психологии, принадлежит С. Л. Рубинштейну [24; 25]. В этом был его исторический вклад в систему советской психологии. Разумеется, предложенная типологическая схема – не более чем историко-психологическая гипотеза. В рамках небольшого доклада невозможно доказать эту гипотезу. Но главный смысл проведенного ана-

лиза даже не в таком доказательстве, а в демонстрации того, что поставленная Л. С. Выготским проблема единой общей психологии к 80-м годам 20-го века превратилась в конкретную теоретическую задачу создания единой категориальной системы, синтезирующей основные идейные достижения отечественной психологической мысли. Социальные перемены 80-х – 90-х годов вывели такого рода задачи из круга актуальных, но логика истории не терпит пустоты – в том или ином виде эта задача должна быть решена.

* * *

Основные идеи, изложенные в данном докладе, сложились в 1979 – 1984 гг. Каково нынешнее отношение автора к сформулированным здесь идеям? Думаю, что по счастливой случайности в этой работе удалось усмотреть неслучайные, настоящие соотношения между действительно важнейшими психологическими категориями, образующими целую парадигму психологического мышления, далеко не исчерпавшую свой эвристический потенциал и совершенно не сводимую к марксизму. Завершающей парадигму категорией (тоже, вероятно, не случайно) оказалась категория общения.

Если, отбросив наносное и ложное, бережно отнестись к достижениям отечественной психологической школы, к той истине, которую ей удалось выговорить, несмотря на все вывихи идеологического мышления, если поставить задачу осознанного продолжения традиции, то перед нами открываются плодотворные перспективы. Здесь не место для их подробного обсуждения, сформулирую только главную прогностическую методологическую гипотезу. Категории общения, согласно этой гипотезе, суждено стать не только общепсихологической категорией, завершающей парадигму отечественной психологической мысли XX столетия, но и выступить в качестве первичной категориальной формы, вокруг которой будет кристаллизоваться новая парадигма. Причем сам статус этой категории в новой парадигме принципиальной изменится, она станет не только понятийной фиксацией основного содержания исследования, но будет выражать еще и суть новой формы исследования, в соответствии с которой субъект и объект психологического познания изначально связаны не только гносеологическим отношением, но объединены всегда реальной формой общности и общения, так что психологическое познание человека в «третьем лице» становится периферическим и подчиненным методом, а в центр становится познание человека в форме Ты.

Литература:

1. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М., 1980.
2. Асмолов А. Г. Деятельность и установка. М., 1979.
3. Асмолов А. Г. Основные принципы психологической теории деятельности. // А. Н. Леонтьев и современная психология. М., 1983.

4. Василюк Ф. Е. Психология переживания. М., 1984.
5. Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса. // Соч. в 6 т. Т. 1. М., 1982. С.291-436.
6. Гусев Г. В. Психология общения. М., 1980.
7. Давыдов В. В. Учение А. Н. Леонтьева о взаимосвязи деятельности и психического отражения. // А. Н. Леонтьев и современная психология. М., 1983.
8. Зинченко В. П., Смирнов С. Д. Методологические вопросы психологии. М., 1983.
9. Леонтьев А. А. Психология общения. Тарту, 1974.
10. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1972.
11. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
12. Ломов Б. Ф. Общение как проблема общей психологии. / Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
13. Ломов Б. Ф. Категории общения и деятельности в психологии. // ВФ. 1979. № 8.
14. Ломов Б. Ф. К проблеме деятельности в психологии. // ПЖ. 1981. Т. 2. № 5.
15. Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии. // Философия в современном мире. Философия и наука. М., 1972. С.28-94.
16. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Тт. 1-50. М., 1955-1981.
17. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3-4.
18. Мясищев В. Н. Личность и неврозы. Л., 1960.
19. Мясищев В. Н. О связи проблем психологии отношения и психологии установки. // Понятия установки и отношения в медицинской психологии. Тб., 1970.
20. Обсуждение докладов по проблеме установки на совещании по психологии (1-6 июля 1955 г.). // ВП. 1955. № 6.
21. Петровский А. В. История советской психологии. М., 1967.
22. Прангишвили А. С. Общепсихологическая теория установки. // Психологическая наука в СССР. Т. 2. М., 1960.
23. Радзиховский Л. А. Проблема субъекта и объекта в психологической теории деятельности. // ВФ. 1982. № 9.
24. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946.
25. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1976.
26. Рубцов В. В. Организация и развитие совместных действий у детей в процессе обучения. М., 1987.
27. Ткаченко А. Н. Взаимосвязь объяснительных принципов психологической науки. // ВП. 1977. №4.
28. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966.
29. Цапкин В. Н. Личность как группа – группа как личность. // Москов. психотер. журн. 1994. №4. С. 11-28.
30. Шерозия А. Е. Психика. Сознание. Бессознательное. К обобщенной теории психологии. Тб., 1979.
31. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978.
32. Ярошевский М. Г., Гургенидзе Г. С. Послесловие. // Л. С. Выготский. Собр. соч. в 6 т. Т. 1. М., 1982.
33. Ярошевский М. Г. История психологии. М., 1985.